

УДК 327

Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана

Х. Р. Джаббари Насир

Джаббари Насир Хасан Реза, кандидат политических наук, научный сотрудник, Национальный институт социальных и культурных исследований Исламской Республики Иран, Иран, Тегеран, hjabbarinasir@gmail.com

Статья посвящена анализу становления публичной дипломатии Ирана в Центральной Азии. Рассматриваются обстоятельства ее активизации, особенности развития и современное состояние. Автор утверждает, что, несмотря на имеющийся культурно-цивилизационный ресурс, на который опирается иранская «мягкая сила» в регионе, политико-идеологические особенности новых независимых государств Центральной Азии в определенной степени ограничивают иранскую публичную дипломатию. Хотя произошедший переход от революционного исламизма к реалистскому прагматизму во внешней политике Ирана сделал возможным дружеский диалог между ним и странами региона, публично-дипломатические инициативы Тегерана всегда воспринимались с осторожностью. На фоне возобновления санкционного режима против Ирана автор прогнозирует наращивание его деятельности в сфере публичной дипломатии в центральноазиатском направлении.

Ключевые слова: публичная дипломатия Ирана, «мягкая сила», Центральная Азия, культурная общность, иранско-таджикские отношения.

The Features of the Evolution of Iran's Public Diplomacy in Central Asia

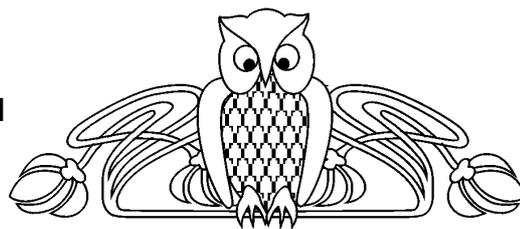
H. R. Jabbari Nasir

Hasan Reza Jabbari Nasir, <https://orcid.org/0000-0003-3181-6101>, IRI's National Institute for Social and Cultural Studies, Pasdaran Ave., 1st Gulistan Str., 124, Tehran 1666914711, Iran, hjabbarinasir@gmail.com

The article is concerned with the analysis of the evolution of Iranian public diplomacy in Central Asia. The author examines the circumstances of revitalization, development features and the current state of Iran's public diplomacy in the region. The author argues that despite the cultural and civilizational resource on which Iranian soft power in the region relies, the political and ideological features of the new independent states limit Iranian public diplomacy to a certain extent. Although the transition from revolutionary Islamism to realistic pragmatism in Iran's foreign policy made possible a friendly dialogue between it and the countries of the region, Tehran's public diplomacy initiatives have always been viewed with caution by Central Asian states. It is claimed that amid the resumption of the sanctions against Iran, Tehran will probably strengthen its activities in the field of public diplomacy in the Central Asian direction.

Keywords: Iran's public diplomacy, soft power, Central Asia, cultural affinity, Iranian-Tajik relations.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-106-112>

После распада Советского Союза Центральная Азия оказалась в фокусе стратегических интересов ведущих глобальных и региональных держав. В условиях, когда исторически органическая часть мусульманского мира оказалась отрезанной от последнего непреодолимым коммунистическим барьером, государства региона стали налаживать многоаспектное сотрудничество с близкими им по этнокультурным признакам странами. Одним из таких государств был Иран, которому представилась хорошая возможность «выйти из тени некогда могущественного соседа» и попытаться расширить сферы своего влияния¹. Важным фактором в этом направлении для Ирана стала активизация деятельности в социально-гуманитарной сфере, целью которой было не только формирование его положительного имиджа, повышение привлекательности в глазах региональной общественности, но и создание в регионе благоприятной почвы для внешнеполитических инициатив Исламской Республики². Другими словами, Тегеран начал использовать практику публичной дипломатии для продвижения своей «мягкой силы» и ее конвертации в ресурс практической политики.

Несмотря на культурно-цивилизационную близость Ирана с народами региона, его «мягкосиловая» политика изначально оказалась ограниченной по некоторым объективным и субъективным причинам. В этнокультурном плане, кроме Таджикистана, остальные четыре республики Центральной Азии являются частью тюркского мира и в постсоветский период ожидаемо оказались в фокусе активного внимания турецкой публичной дипломатии. Более того, светские режимы в регионе с определенной долей осторожностью относились к Ирану, внешняя политика которого опиралась на идеи революционного шиизма. Эти факторы наряду с другими мирополитическими процессами, по справедливому замечанию иранского исследователя М. Фараджи, оказывали влияние на эволюцию публичной дипломатии и особенности восприятия «мягкой силы» Ирана в Центральной Азии³.

Перед тем как перейти к анализу «мягкосилового» потенциала, становления и развития публичной дипломатии Ирана в центральноазиатском направлении, автор считает необходимым обозначить концептуальные рамки настоящего исследования.

Концептуальные рамки исследования

Предложенная известным американским политологом Джозефом Наем в 90-х гг. прошлого столетия концепция «мягкой силы» стала одной из популярных тем не только в среде исследователей международных отношений и мировой политики, но и в практических кругах. Понимание «мягкой силы» как способности через привлекательность заставлять других *хотеть того же, чего хотите вы, не прибегая при этом к насилию или подкупу*⁴, превратило данный теоретический конструкт в весьма желанный практический инструмент внешней политики современных государств. В доминирующей интерпретации концепция представляется как дополнительный внешнеполитический ресурс, опирающийся на привлекательность культурно-цивилизационных и идейно-политических ценностей своего субъекта/носителя. Другими словами, если до недавнего времени ключевым фактором воздействия государства на международные процессы считалась «жесткая сила», то сегодня дополнительным «конструктором» национальной мощи являются политико-идеологическая убедительность и культурная привлекательность.

Хотя Най предложил четкое определение «мягкой силы» государства как комбинации привлекательности его культуры, политических ценностей (если государство реально их придерживается) и успешных внешнеполитических действий на международной арене⁵, тем не менее, исследователи регулярно выдвигают собственные идеи или уточнения относительно содержательных аспектов названной концепции. Вариативные интерпретации представляют «мягкую силу» не только как процесс трансляции гуманитарных ресурсов страны или нематериальный тип власти⁶, но и впечатления, мотивирующего действие и побуждающего к действию⁷, или просто как некий потенциал привлекательности, который может быть использован, а может оставаться только в качестве потенциала⁸.

Строго говоря, «мягкая сила» государства является во многом синонимом его привлекательности, способностью быть примером для других акторов по широкому спектру параметров. Однако наличие привлекательности чего-либо нужно еще раскрыть и продемонстрировать другой стороне. И здесь на помощь теоретической концепции «мягкой силы» приходит практический инструмент – *публичная дипломатия*.

Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе тоже имеет вариативные определения⁹. Однако в настоящей статье автор опирается на подход Дж. Наея, считающего публичную дипломатию инструментом коммуникации и системой взаимодействия с зарубежной общественностью в целях продвижения национальной «мягкой силы»¹⁰, т. е. под публичной дипломатией мы здесь понимаем правитель-

ственный механизм, который нацелен на реализацию внешнеполитических задач и включает в себя информационные проекты, культурно-образовательные обмены и проекты в области цифровой дипломатии.

Приведенное концептуальное уточнение дает автору возможность утверждать, что в современных мирополитических условиях все государства заинтересованы в практическом применении концепции «мягкой силы», хотя и не у всех имеются соответствующие ресурсы. Как утверждает Дж. Най, публичная дипломатия не в силах создать «мягкую силу» государства, если у последнего содержание источников «мягкой силы» непривлекательно для других стран. Соответственно, у государства должно быть некое историческое «мягкосиловое» наследие или же солидные *переменные* компоненты в виде экономических успехов страны, достижений в сфере высоких технологий, показателей его внешнеполитической успешности, вовлеченности в события глобального масштаба и др.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о специфике «мягкой силы» и публичной дипломатии Ирана в Центральной Азии, интересным кажется мнение российского ученого О. Леоновой, которая пишет, что некоторые государства обладают некой внутренней силой, заставляющей ее «уважать и привлекает к ней сердца народов других стран. Таков, например, феномен «мягкой силы» Ирана, особенно в странах Центральной Азии»¹¹. Так ли это на самом деле? И если да, то что конструирует иранскую «мягкую силу» в регионе и как развивалась ее публично-дипломатическая деятельность в центральноазиатском направлении?

Особенности «мягкой силы» Ирана и ее прикладных аспектов в Центральной Азии

Активизация центральноазиатского направления иранской публичной дипломатии, которая началась сразу после распада СССР, была обусловлена рядом обстоятельств. *Во-первых*, к тому времени Иран долгое время находился в международной изоляции и под давлением санкций. Новые реалии на международной арене после распада СССР открывали для Тегерана возможности выхода из тупика.

Во-вторых, возникновение в Центральной Азии независимых республик позволяло Ирану вступать в непосредственное общение с народами, которых с Ираном объединяют культурно-цивилизационная общность (ислам) и исторический опыт мирного общежития. На протяжении долгих столетий иранская и персидская культура доминировала в большей части Центральной Азии. Бухара, известная в истории как «Бахарае шериф» («Священная Бухара»), была историческим центром ислама, персидской культуры и

литературы, тогда как персидский язык сохранил свой статус языка науки, дипломатии и литературы даже после полной тюркификации региона к XV столетию¹². Кроме того, при Надиршахе, в эпоху Сефевидов, крупные территории на юге Центральной Азии находились под управлением Ирана. Исторический опыт иранского влияния в Центральной Азии побудил руководство Ирана восстановить некогда могущественную силу персидской цивилизации в регионе¹³.

В-третьих, к моменту образования новых центральноазиатских государств внешняя политика Ирана пережила серьезную трансформацию: произошел переход от исламского революционного идеализма к прагматическому реализму¹⁴. Прекрасно понимая важность данного региона для национальных интересов России, Иран вынужден был действовать аккуратно, стараясь не наступать Москве на пятки. В Тегеране хорошо понимали, что Россия может стать для Ирана одним из основных источников технологий (в том числе военных) и определенной международной поддержки, поэтому сотрудничество с Москвой иранцы считали важнее, чем сомнительные приобретения от идеологической и политической экспансии в Центральной Азии¹⁵. Кроме того, руководители новообразованных стран региона, которые долгое время жили в духе атеизма и выбравшие светский путь развития, не готовы были принимать иранский революционный исламизм. Ограничивалась религиозно-идеологическая политика Ирана и фактом преобладания во всех странах региона ислама суннитского толка. Исходя из этого, иранское руководство приняло решение придерживаться прагматического курса в отношениях с новыми государствами Центральной Азии, что в целом способствовало налаживанию между ними и Ираном добрососедских отношений. Проявление гибкости Тегераном в регионе было связано и с тем, чтобы не подорвать исторический потенциал своей «мягкой силы».

И, наконец, следует отметить и заметный интерес стран Центральной Азии к Ирану. Помимо исторических и культурных связей, Иран привлекал государства региона по целому ряду причин: 1) ИРИ представляет собой исламское государство с определенными демократическими институтами, что вызывает интерес у мусульманских стран региона¹⁶; 2) в отличие от других участников так называемой «большой игры» за влияние в регионе (Россия, США, КНР), Иран был и остается несистемным игроком, поскольку Центральной Азии не входит в число его приоритетных регионов¹⁷. В таком статусе Иран становится более привлекательным для стран Центральной Азии, что ставит его в более выгодное положение, чем традиционных игроков.

Таким образом, новые реалии на международной арене после 1991 г., трансформация внешнеполитической стратегии Исламской Республики Ирана в сторону «реалистского праг-

матизма» стимулировали активность ее центральноазиатской внешней политики в целом и ее публично-дипломатической составляющей в частности.

Говоря о конкретных шагах в названном направлении, следует отметить, что еще в 1992 г. в Иране был учрежден Центр исследований Центральной Азии и Кавказа, где впоследствии издавались журналы «Амударья» и «Motaleat-e Asiaye Markazi va Qafqaz» (Исследование Центральной Азии и Кавказа)¹⁸. Между Ираном и странами Центральной Азии начали возникать первые инициативы в сфере культурного сотрудничества как на межправительственном, так и на уровне негосударственных субъектов. В реализации своей публичной дипломатии в Центральной Азии ИРИ в основном опирается на культурно-цивилизационные элементы. Важную роль в реализации культурных инициатив иранской публичной дипломатии в странах региона играет Организация по культуре и исламским связям (ОИКС), подчиняющаяся Министерству культуры и исламской ориентации¹⁹.

В течение первой половины 1990-х гг. Иран подписывает меморандумы о культурном сотрудничестве с Киргизией (1993 г.), Туркменистаном (1996 г.), Таджикистаном (1993 г.) и Казахстаном (1995 г.)²⁰. К 1994 г. во всех государствах региона открываются посольства Ирана, которые наряду с общеполитическими вопросами занимаются продвижением инициатив в сфере культуры, научно-образовательными аспектами сотрудничества. Отношения Ирана с государствами региона развиваются как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Иран одним из первых признал независимость государств региона и их вхождение в различные региональные и международные организации²¹. В период с 1996 по 1999 г. во всех странах региона открываются иранские культурные центры, подчиняющиеся ОИКС. Эти центры способствуют реализации различных культурных проектов: от преподавания фарси и проведения мероприятий в честь общих для иранцев и народов региона поэтов и мыслителей до издания книг и восстановления библиотек и т. п.

В связи с культурной и языковой общностью таджиков и иранцев Таджикистан после обретения независимости становится главным плацдармом для реализации иранской публичной дипломатии в Центральной Азии. В период с 1991 по 2008 г. иранские президенты посетили Душанбе с визитами восемь раз, шесть из которых совершил бывший президент Ирана Махмуд Ахмадинежад²². В ходе многочисленных взаимных визитов на высшем уровне был подписан целый ряд соглашений о сотрудничестве в культурной и экономической сферах. В Душанбе проводилось множество совместных с Ираном культурных и образовательных мероприятий: конференции, музыкальные мероприятия, обра-

зовательные ярмарки, мероприятия в честь таджикско-персидских поэтов и мыслителей и т. д. Правительство Ирана в республике спонсировало публикации в газетах и академических журналах, открытие книжных магазинов, восстановление библиотек, содержащих в своих фондах материалы по персидскому языку и литературе, создание факультетов, на которых преподавался фарси²³. При содействии посольства Ирана в Душанбе были учреждены Институт по изучению таджикско-персидской культуры, книжный магазин «Алхода» и периодическое издание «Пайванд». Душанбинский центр Организации по культуре и исламским связям – иранский аналог Британского совета или немецкой сети Институт Гёте, считался одним из самых активно работающих культурных учреждений Ирана за границей²⁴. За счет иранского финансирования в университете Насира Хосрова в Таджикистане был учрежден кабинет иранской культуры, оснащенный компьютерами, научным оборудованием и книгами²⁵.

Помимо Таджикистана, иранские ученые-филологи занимались подготовкой местных иранистов, изданием двуязычных словарей в Казахстане, Туркменистане и Кыргызстане. Также Иран активно привлекал в свои вузы (не только религиозные) студентов из региона. Конечно, нельзя говорить, что все упомянутые инициативы и программы нашли успешное продолжение, однако, по мнению экспертов, «определенный человеческий капитал и симпатии представителей центральноазиатского населения... Иран, безусловно, приобрел»²⁶.

Однако позитивное восприятие иранской публичной дипломатии в регионе было характерно не для всех. Следует отметить и скептически-осторожное отношение к социально-гуманитарным инициативам Ирана в среде региональных элит. Например, Узбекистан при Исламе Каримове с энтузиазмом воспринимал инициативы Ирана в торгово-экономической сфере, но намеренно отводил предложения иранцев о расширении сотрудничества в культурной области. По мнению ряда экспертов, Ташкент расценивал эти инициативы не только как попытки иранской духовно-религиозной экспансии, но и как угрозу в контексте «роста проиранских настроений в Самарканде и Бухаре, населенных в основном родственными иранцам таджиками»²⁷. Опыт показал гипертрофированность оценки «исламской угрозы» и панинистского вызова узбекским руководством, однако это все же способствовало появлению у Ташкента особого отношения к диалогу с Ираном.

С приходом к власти в Иране Махмуда Ахмадинежада в 2006 г. присутствие Ирана в Центральной Азии в целом и в Таджикистане в частности набирает новые обороты. Иран, как локомотив интеграции персоязычных стран, был заинтересован в расширении Pax Iranica²⁸.

М. Ахмадинежад – убежденный сторонник персидского национализма, выдвинул целый ряд культурных инициатив, направленных на укрепление связей между тремя персоязычными государствами: Таджикистаном, Афганистаном и Ираном. В 2006 г. в Душанбе состоялась первая встреча глав трех государств. Стороны провозгласили своей конечной целью создание Союза персоязычных государств²⁹.

В результате встречи было подписано соглашение о формировании «комиссии по культурному сотрудничеству». В марте 2008 г. сторонами было принято решение о создании Экономического совета Персоязычного союза, а также общего телевизионного канала. Стоит отметить, что большой энтузиазм исходил от Ирана и Таджикистана, тогда как Афганистан придерживался более сдержанной позиции³⁰. Это связано с идеологическими причинами. Несмотря на то, что государства объединяют культура и язык, идеологические и мировоззренческие особенности, ценности и интересы трех стран отличаются. Не стоит исключать и фактор США, которые, имея солидное влияние и рычаги давления на Афганистан, вряд ли допустят сближение Кабула с Тегераном.

Хотя многие проекты по созданию персоязычного союза остались на бумаге, можно сказать, что Иран продемонстрировал явное стремление пробить окно в Центральную Азию и укрепить там свое влияние через Таджикистан. На тот момент настойчивые усилия Тегерана по укреплению связей с Таджикистаном обеспечили ему надежный плацдарм в регионе. Президента Ирана М. Ахмадинежада за активные действия в этом направлении прозвали инициатором «ренессанса общеперсидской близости»³¹.

Немаловажным компонентом иранской публичной дипломатии в Центральной Азии стали экономические инвестиции Тегерана. Помимо экономической составляющей, они создавали в глазах государств и народов Центральной Азии не только образ экономически состоятельного государства и надежного делового партнера, но и страны, небезразличной к социально-экономическим проблемам населения региона. В 2005 г. уходящая администрация Хатами финансировала строительство в Таджикистане двух дорогостоящих проектов: туннеля «Анзоб» и гидроэлектростанции «Сангтуда-2» (180 млн долл. США)³².

Во время визита Ахмадинежада в Туркменистан в июле 2006 г. главное внимание уделялось развитию сотрудничества в газовом секторе³³. Президент наносил визиты в Туркменистан и позднее – в 2007, 2010, 2012 и 2013 гг., подчеркивая, как важно для Ирана поддержание добрых отношений со своим соседом. Однако соглашения, подписываемые в ходе данных визитов, носили прежде всего экономический, а не культурный характер.

Внешняя политика постахмедиенежадовского Ирана встала на путь трансформации, в результате которой Центральная Азия отходит на второй план. Новый президент, Хасан Рохани, в отличие от своего предшественника, который в условиях международной изоляции стремился к расширению связей со странами Центральной Азии, принял курс на нормализацию диалога с Западом. Иран также целиком оказался вовлечен в дела Ближнего Востока, где продолжают происходить судьбоносные перемены³⁴. На этом фоне ужесточилась региональная конкуренция между Ираном и Саудовской Аравией, которая в ее политико-идеологическом измерении охватила и Центральную Азию. Ухудшение таджико-иранских отношений, по утверждению некоторых иранских исследователей, является результатом именно скрытой антииранской пропаганды саудитов³⁵.

В Таджикистане позитивный образ Ирана как «братского государства» и гаранта межтаджикского мирного соглашения 1997 г. достаточно быстро изменился после 2015 г. Охлаждение ирано-таджикских отношений связывают с многими факторами, как политическими, так и экономическими. В декабре 2015 г. Душанбе обвинил Тегеран в поддержке оппозиционной Партии исламского возрождения (в Таджикистане запрещена и считается террористической), после того как лидер этой партии был приглашен на исламскую конференцию высокого уровня в Тегеране, а позднее на аудиенцию с верховным лидером Ирана³⁶. В связи с этим событием таджикское внешнеполитическое ведомство вручило ноту протеста иранскому послу в Душанбе, выражая сомнение Таджикистана в искренности «братских отношений» между двумя странами³⁷.

В последующие годы Таджикистан перешел в реальное «наступление», закрыв почти все иранские культурные, научно-образовательные центры. Также была приостановлена работа иранского Комитета помощи «Имдод» имени Имама Хомейни³⁸. В таджикских государственных СМИ началась активная антииранская пропаганда. Кульминацией можно считать показ по таджикскому телевидению в 2017 г. документального фильма, подготовленного МВД страны, о финансировании Тегераном громких убийств в годы гражданской войны в Таджикистане. Все эти негативные тенденции в ирано-таджикских отношениях сузили поле для деятельности публичной дипломатии Ирана в Таджикистане. В других странах региона она также не выделялась особой энергичностью. В культурном измерении следует упомянуть проведение дня иранского кино в Бишкеке (2016 г.), а также более крупных мероприятий – дней иранской культуры в Казахстане (2017 г.) и Туркменистане (2018 г.).

На фоне меняющихся реалий иранские специалисты признают, что их страна в Центральной Азии в сфере публичной диплома-

тии уступает другим державам (называются Россия, США, Турция), поэтому предлагают быть предельно прагматичными, не руководствоваться идеологическими мотивами, активнее задействовать фактор историко-культурной общности Ирана с регионом, использовать возможности неправительственных организаций, бизнеса в продвижении иранских интересов в Центральной Азии³⁹.

Негативные для Ирана тенденции в регионе также актуализируют вопрос о наращивании информационного сегмента иранской публичной дипломатии в Центральной Азии. Сегодня на языках региона вещает только иранское радио, а новостные сводки выпускает информационный портал *Pars Today*. Этого недостаточно для доведения до общественности региона официальной позиции Тегерана по тем или иным вопросам внешней политики, презентации достижений республики в различных областях (особенно в сфере медицины, нанотехнологии, ИТ-индустрии, кинематографии и др.) и в конечном счете для оказания влияния на региональное общественное мнение и дальнейшего продвижения иранской «мягкой силы».

Анализ потенциала «мягкой силы» Ирана и особенности становления центральноазиатского направления его публичной дипломатии позволяют автору сделать несколько общих выводов.

Во-первых, «мягкая сила» Ирана в Центральной Азии, которая во многом опирается на этнокультурный ресурс, имеет определенные ограничения. Данный ресурс формируется за счет опыта исторического общежития, а из пяти государств региона только Таджикистан является ираноязычным государством и носителем общеиранской культуры.

Во-вторых, исламская сущность иранской политической системы всегда настораживала светские режимы в Центральной Азии, формируя труднопреодолимый барьер для продвижения иранской «мягкой силы». Конечно, в Тегеране открыто никогда и не ставили вопрос о религиозно-идеологической экспансии в центральноазиатском направлении и всегда стремились к проведению прагматичной политики. Однако в регионе все равно сохраняется достаточно высокий уровень осторожности в отношении культурных инициатив Ирана.

В-третьих, опыт и нынешняя динамика ирано-таджикских отношений демонстрируют, что даже опирающаяся на надежный этнокультурный фундамент «мягкая сила» Ирана не может обеспечить ему перманентную лояльность страны, которая в культурно-цивилизационном измерении находится в мягкосиловом ареале исторически большого Ирана. В этом контексте перманентность и надежность постулированной российским специалистом О. Леоновой идеи о «внутренней силе» Ирана в Центральной Азии кажется слегка сомнительной.

В-четвертых, следует все же признать, что значимость Центральной Азии в публичной дипломатии Ирана никогда не была высокой. Иран достаточно фрагментарно утилизирует инструментарий публично-дипломатической стратегии в регионе, делая акцент на культурном аспекте, но сильно отставая в ее информационном сопровождении. Исходя из этого, возникают сложности и при оценке научно-образовательного измерения современной публичной дипломатии Ирана в регионе.

И, *в-пятых*, международный санкционный режим против Ирана, который возобновился недавно, скорее всего вынудит Тегеран на поиск новых/старых партнеров и путей выхода из надвигающейся изоляции. Государства Центральной Азии, как и в первые годы их независимости, могут вновь оказаться в приоритете иранской внешней политики, что логично может привести к повторной активизации внешней политики Ирана в регионе, а параллельно – и к наращиванию гибкой публичной дипломатии Тегерана. Первым шагом в этом направлении, как представляется автору, должна стать нормализация ирано-таджикских отношений.

Примечания

- 1 См.: *Kiani D.* Iran and Central Asia : A Cultural Perspective // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2014. Vol. 4, № 1. P. 113–138.
- 2 См.: *Тусарикани М.* Анализ «мягкой силы» Исламской Республики Иран в Центральной Азии по сравнению с Ближним Востоком // *Motaleat-e Asiaye Markazi va Qafgaz*. 2009. № 67. С. 21–56 (на перс.).
- 3 См.: *Фараджи М.* Центральная Азия ищет независимую идентичность // *Motaleat-e Asiaye Markazi va Qafgaz*. 2008. № 62. С. 173–203 (на перс.).
- 4 *Nye J. S.* Soft Power : The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004. P. 5.
- 5 См.: *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 94–109.
- 6 См.: *Юдин Н.* Системное прочтение феномена «мягкой силы» // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 2. С. 96–105.
- 7 См.: *Леонова О. Г.* «Мягкая сила» : инструменты и коэффиценты влияния // *Обозреватель – Observer*. 2014. № 3. С. 18–28.
- 8 См.: *Лебедева М. М.* «Мягкая сила» : понятие и подходы // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2017. № 3 (54). С. 212–223.
- 9 См.: *Бахриев Б. Х.* Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // *Вестн. ТГУПБП. Сер. общественных наук*. 2017. № 1 (70). С. 131–147.
- 10 См.: *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power.
- 11 *Леонова О. Г.* Указ. соч. С. 23.
- 12 См.: *Ёкубов Б.* Айни и возникновение новых школ в Бухаре // *Вестн. Пед. ун-та (Республика Таджикистан)*. 2012. № 1 (44). С. 283–287 (на тадж.).
- 13 См.: *Реиси Б.* Межкультурная коммуникация в отношениях между Ираном и Таджикистаном (с упором на теорию конструктивизма) // *Улюм-е Хабари*. 2015. № 15. С. 141–175 (на перс.).
- 14 См.: *Устнидж Э.* Внешняя культурная политика Ирана в центральной Азии : демонстрация политического прагматизма // *Центральная Азия и Кавказ*. 2014. Т. 17, № 4. С. 131–144.
- 15 См.: *Троицкий Е. Ф.* Политика Ирана в Центральной Азии в 1990-е годы // *Вестн. НГУ. Сер. История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 1 : История. С. 234–240.
- 16 См.: *Плотников Д. С.* «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования // *Ars Administrandi – Искусство управления*. 2016. № 1. С. 160–177.
- 17 См.: *Косназаров Д.* «Мягкая сила» Ирана в Центральной Азии : беседа аналитиков Bilig Brains // *Central Asian Analytical Network*. Август 30, 2017. URL: <http://caanetwork.org/archives/10150> (дата обращения: 03.09.18).
- 18 Там же.
- 19 См.: *Maltzahn N. von.* The Syria-Iran Axis : Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. L. ; N. Y. : I. B. Tauris, 2013.
- 20 См.: *Устнидж Э.* Указ. соч.
- 21 См.: *Варнавский Д.* Иран и государства Центральной Азии : генезис, состояние и перспективы сотрудничества // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. № 2. С. 145–152.
- 22 См.: *Абдулло Р.* Президенты Ирана и таджикско-иранские отношения // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 16, № 3. С. 188–200.
- 23 См.: *Махмуди М.* Центральная Азия и развитие многостороннего ирано-таджикского сотрудничества // *Motaleat-e Asiaye Markazi va Qafgaz*. 2007. № 58. С. 7–48 (на перс.).
- 24 См.: *Устнидж Э.* Указ. соч.
- 25 См.: *Iranian Embassy Opens Culture Chamber at Tajik University* // *BBC Monitoring Central Asia*, 7 July 2006.
- 26 *Лебедева М. М., Боришполец К. П. [и др.]*. Центральная Азия : Социально-гуманитарное измерение. М. : Аспект Пресс, 2016. С. 85.
- 27 *Вихрев М.* Ирано-узбекские отношения на современном этапе // *Институт Ближнего Востока*, 2 апреля, 2005. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3548> (дата обращения: 30.10.2018).
- 28 См.: *Лаумулин М.* Центральная Азия и Pax Iranica : взаимодействие и взаимовлияние // *Центральная Азия и Кавказ*. 2011. № 2. С. 125–148.
- 29 См.: *Месамед В. И.* Жизнеспособен ли персоязычный союз? // *Институт Ближнего Востока*. 11 ноября, 2010. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11668> (дата обращения: 30.11.2018).
- 30 См.: *Medrea S.* Persian-Speaking Union Created by Afghanistan, Iran, Tajikistan // *Central Asia-Caucasus Analyst*. April 2008. Vol. 10, № 7. P. 15–17.
- 31 См.: *Clark B.* Iranian Foreign Policy Towards Tajikistan and Afghanistan During the Ahmadinejad Presidency : The Rising Salience of Persian National Identity // *Journal of Central Asian & Caucasian Studies*. 2012. Vol. 7, iss. 13. P. 73–105.
- 32 См.: *Додихудоев Х., Ниятбеков В.* Таджикистан – Иран :

достижения и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2. С. 152–161.

- ³³ См.: Iran Looks East as Ahmadinejad Heads on Central Asia Tour // Agence France Presse, 23 July 2006.
- ³⁴ См.: *Бихиштунур Х.* У Ирана есть более важные вопросы, чем Центральная Азия // Central Asian Analytical Network. Июль 18, 2017. URL: <http://caa-network.org/archives/9686> (дата обращения: 30.09.2018).
- ³⁵ См.: Отношения Тегерана и Душанбе : от дня вчерашнего к сегодняшнему // ИНОСМИ, 29.08.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170829/240130734.html> (дата обращения: 30.10.2018).
- ³⁶ См.: Лоб в лоб : таджикский муфтий столкнулся с Кабири на встрече в Иране // Sputnik. 29 декабря 2018. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/asia/20151229/1018106648.html> (дата обращения: 30.09.2018).
- ³⁷ См.: МИД Таджикистана направило ноту посольству Ирана // Asia Plus, 29 декабря, 2015. URL: <http://news.tj/ru/node/219814> (дата обращения: 30.09.2018).
- ³⁸ См.: Отношения Тегерана и Душанбе : вчера и сегодня // ИА «Habar-online». 29.08.2017. URL: <http://www.ettelaat.com/etiran/?p=302498> (дата обращения: 30.10.2018) (на перс.).
- ³⁹ См.: *Бахриев Б. Х., Джаббару Насир Х.* Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран // Публичная дипломатия : Теория и практика / под ред. М. М. Лебедева. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 194–216.

Образец для цитирования:

Джаббару Насир Х. Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 106–112. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-106-112>

Cite this article as:

Jabbari Nasir H. R. The Features of the Evolution of Iran's Public Diplomacy in Central Asia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 106–112 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-106-112>
